расходов по содержанию общежития, была увеличена до 1 руб. 50 коп. в сутки.

Общее количество научных работников, прошедших через общежитие, составляло в 1922-1926 гг. 5091 человек: за 1922/23 г. – 633 человек; за 1923/24 г. – 1262 человек; за 1924/25 г. – 1628 человек; за 1925/26 г. – 1568 человек [5, с. 37].

В числе научных работников, проживающих в общежитии, были и иностранцы, преимущественно из Германии; приезжали ученые почти из всех стран Европы, а также из Индии, Японии, Китая, США, Чили. В частности, за 1925/26 г. в общежитии жили 32 иностранца из 12 стран.

При остроте жилищного вопроса в Москве этот вид помощи научным работникам, несомненно, имел большое значение для иногородних и иностранных ученых, особенно для тех, кто приезжал в Москву в научную командировку, тем более что общежитие было хорошо оборудовано и при нем имелся, помимо гостиной и столовой, еще и особый достаточно обширный и приспособленный зал для научных занятий.

Огромное значение в работе ЦЕКУБУ уделялось *жилищным проблемам* научных работников.

Острый жилищный кризис, начавшийся в послереволюционное время, особенно тяжело отражался на научных работниках, которые до возникновения ЦЕКУБУ в этом отношении не выделялись из общей массы городского населения. Поэтому ЦЕКУБУ с первых же шагов своей деятельности разработала и внесла в Совнарком проект жилищного декрета, который был утвержден уже через два месяца после ее организации – 16 января 1922 г. Декрет этот дал научным работникам большие льготы в жилищном отношении. Им было предоставлено ввиду специфических условий работы право на дополнительную комнату для научных занятий сверх общегражданской нормы, причитающейся им и их семьям, в отдельных случаях – право на помещение для библиотек, лабораторий, льгота по самоуплотнению – в случае наличия в занимаемых ими квартирах свободных помещений и т. д. Наличие этих льгот подтверждалось выдававшимися ЦЕКУБУ и ее местными органами специальными удостоверениями, которые являлись серьезной гарантией охраны жилищных прав научных работников.

С 1924 г. наступает ухудшение жилищных условий научных работников в связи с инструкцией ВЦИКа от 9 января, согласно которой учреждениям и предприятиям, за коими закреплены те или иные помещения, предоставлено право выселять в административном порядке лиц, не связанных со службой или работой с этими учреждениями. Право выселения распространялось и на научных работников, причем при выселении им не должно было предоставляться другого помещения и перевозочных средств, как это было установлено в отношении рабочих и студентов, состоящих на госстипендии.

Вопрос этот получил окончательное разрешение в постановлении Президиума ВЦИКа и Совнаркома от 31 июля 1924 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников». Постановлением подтверждалось право научных работников, зарегистрированных в ЦЕКУБУ, местных КУБУ или секциях научных работников, на дополнительную комнату для научных занятий, а в отдельных случаях, с разрешения КУБУ или Секции, на особое помещение для чертежных, библиотек, коллекций и т. п. и на самоуплотнение в течение трехнедельного срока со дня освобождения или взятия комнаты на учет соответствующими органами. Выселение их на основании постановления Президиума ВЦИКа от 9 января 1924 г. из домов-коммун и домов, закрепленных за учреждениями, могло иметь место лишь при условии предоставления годной жилой площади и перевозочных средств. Так же как и в отношении рабочих, выселение не могло происходить в зимнее время. Постановлением ВЦИКа и Совнаркома от 16 июня 1926 г. (ст. 7) подтверждалась обязательность для учреждений и предприятий, за коими закреплены те или иные помещения предоставления научным работникам (как и некоторым другим категориям граждан) при выселении из этих помещений, транспортных средств и годной для жилья свободной площади. При этом выселение может иметь место только с 1 апреля до 1 ноября.

Вышеуказанные направления являлись приоритетными в работе ЦЕКУБУ. Можно сказать, что в первые годы существования нового государства власть начинает выстраивать систему сотрудничества с интеллигенцией, привлекать ее на свою сторону, создавать для нее благоприятные условия для жизни и работы.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4737. Оп. 1. Д.1. Л. 14
2. ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 34. Л. 20.
3. ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 41. Л. 49.
4. Год работы Центральной Комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ). Декабрь 1921 г. – декабрь 1922 г. М., 1922. Декабрь.
5. Пять лет работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР (ЦЕКУБУ). 1921-1926. Издание ЦЕКУБУ. М., 1927.
6. Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сборник документов. Ленинград: Изд-во Наука, 1968.

УПРАВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИОННЫМИ РИСКАМИ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ

Артём БЛИЗНЮК

аспирант кафедры управления рисками и страхования НИУ ВШЭ

Специфика отрасли ставит перед страховщиками задачу эффективного управления рисками. Страховые организации достигли больших успехов в разработке и внедрении различных элементов корпоративной системы управления рисками (КСУР). Однако не более 40% компаний рассматривают КСУР как возможность улучшения принятия решений и повышения привлекательности своей деятельности, не имея при этом программного обеспечения для этого. Особенно актуальна задача внедрения эффективной КСУР в условиях мирового финансового кризиса, когда ряд крупнейших хозяйствующих субъектов испытывали трудности из-за сбоев.

Существует множество стандартов процесса управления рисками – в Австралии, Великобритании, Канаде. На российском рынке придерживаются двух основных стандартов [1]. Так, согласно положениям «Управление рисками организаций. Интегрированная модель», разработанным Комитетом спонсорских организаций комиссии Тредвея, процесс управления рисками состоит из восьми взаимосвязанных компонентов: определение внутренней среды; постановка целей; определение рисковых событий; оценка риска; реагирование на риск; средства контроля; информация и коммуникации; мониторинг. Этот стандарт устанавливает взаимосвязь между целями организации, организационной структурой компании и компонентами процесса управления рисками.

Вторая основная классификация уста-

новлена Стандартом управления риском Федерации европейских ассоциаций риск-менеджеров. В данном стандарте риск-менеджмент рассматривается как центральная часть стратегического управления организацией, задачей которой является идентификация рисков и управление ими.

Несмотря на разнообразие стандартов, в процессе управления рисками обязательны следующие этапы: идентификация, оценка и измерение, обработка, мониторинг и контроль.

На первой стадии особые требования предъявляются в отношении качества информации и ее источников. Важно, чтобы персонал, задействованный в идентификации рисков, обладал всей полнотой знаний о процессах или деятельности, которые подвергаются анализу. На стадии измерения и оценки риска разрабатываются модели рисков. Они могут быть разделены на статистические и динамические, а также на детерминистические и вероятностные. Исследовав основные этапы риск-менеджмента, страховой компании следует приступить к рассмотрению операционного риска.

Обычно под операционным риском понимается риск прямых или косвенных убытков вследствие недостатков в системах и процедурах управления, поддержки и контроля. Операционный риск-менеджмент становится важной составляющей современной практики управления рисками и в страховых компаниях, и в других финансовых институтах. Наиболее важные проявления операционного риска относятся к недостаткам в системах внутреннего контроля и корпоративного управления.

Существующие методики оценки операционного риска относительно просты [2]. Вместе с тем их разработка вызывает ряд дополнительных проблем. Накопленная история операционных потерь слишком незначительна и нерепрезентативна, чтобы на ее основе строить статистические модели, например, нормального распределения. Дело в том, что операционные убытки, связанные с таким риск-фактором, как человеческие ошибки, свойственны любому бизнесу, а потери, вызываемые ими, обычно невелики, поэтому вряд ли стоит затрачивать ресурсы на их анализ [1]. Вероятность реализации крупных операционных рисков очень мала, хотя их влияние может быть значительным, превышающим влияние рыночного и кредитного рисков.

Измерение операционного риска требует оценки как вероятности наступления события, приводящего к операционным потерям, так и потенциального размера потерь. Набор обычно используемых измерительных подходов выявляет риск каждой самостоятельной бизнес-единицы и дает лишь фрагментарное представление о степени влияния операционного риска на бизнес в целом. Однако даже в директиве Solvency II основное внимание страховщиков уделяется инвестиционному, кредитному и страховому рискам.

Возросший интерес к управлению операционным риском привел к увеличению бюджетов, выделяемых на его измерение, мониторинг и контроль, а также к передаче ответственности за управление таким риском вновь создаваемым или существующим подразделениям риск-менеджмента [3]. При этом усилия топ-менеджмента играют решающую роль в успехе всего корпоративного процесса управления рисками, т. е. руководство несет личную ответственность на данном направлении. Наблюдается тенденция усиления внутреннего контроля внутри подразделений (так называемая самооценка, self-assessment), а не со стороны независимой структуры, такой, например, как внутренний аудит.

В России страховые компании в основном надеются на решение проблем силами руководителей структурных подразделений. Ни одна компания на российском рынке не имеет четкой системы управления операционными рисками, несмотря на то, что страховые компании не раз испытывали трудности в этой области [4].

Крупные консалтинговые компании Towers Watson, SAS Institute и др. предлагают мощные информационные системы управления операционными рисками. Среди их безусловных преимуществ – универсальность доступа к данным, автоматизированность большинства процессов, наличие полных пакетов аналитической обработки данных, удобство интерфейса и легкость освоения, индивидуализация продукта под потребности компании. Стоимость такого программного обеспечения вместе с его настройкой, обучением персонала исчисляется сотнями тысяч долларов, поэтому оно не пользуется популярностью у российских страховщиков. Оно имеется лишь у небольшого числа компаний, которые являются дочерними по отношению к крупнейшим мировым страховым компаниям.

С введением директивы международных стандартов платежеспособности Solvency II, которая призвана помочь страховщикам в управлении рисками, в том числе операционными, страховым компаниям придется столкнуться с рядом проблем. При внедрении Solvency II важно учесть уроки соглашения «Базель II»*.

Проекты применения системы «Базель II» должны были концентрироваться на оценке рисков в ущерб принципу, предусматривающему усиление механизмов надзора и регулирования. Но процедуры были не формализованы, а способы управления рисками не определены, что стало причиной усиленного надзора со стороны регулирующих органов. Особое место занимали кредитный и рыночный риски, которые учитывались при расчете коэффициента Кука (коэффициент платежеспособности банка или другой кредитной организации), а не операционный риск.

При внедрении Solvency II главное внимание уделялось освоению новых правил регулирования, контролю над соответствующими издержками и достижению соответствия новых правил с нормами Агентства по контролю над страховыми компаниями и обществами взаимного страхования (Autorite de ciontrole de l'assurences et des mutuelles, ACAM). По мнению Х. Дади, для учета операционных рисков необходимо разработать методологию их оценки и создать базу данных о страховых случаях, поскольку эти вопросы недостаточно освещены в текстах Solvency II. Не стоит полагаться исключительно на правила регулирования, необходимо иметь в виду представленный в Solvency II метод управления рисками (Enterprise Risk Management) [5].

С недавнего времени французские страховщики для разработки прогнозных отчетов составляют отчеты о своей платежеспособности и о политике перестрахования. Согласование этих элементов нацелено на построение одной или нескольких внутренних моделей.

Цель внутренней модели – предугадать «будущую жизнь» того или иного актива или пассива на основе расчета и взвешивания всех факторов, которые могут повлиять на них, что в конечном счете позволит определить риски и размер собственного капитала, необходимого для их покрытия.

Сегодня открытыми остаются два вопроса.

1. Должны ли страховые компании стремиться к построению общей модели, охватывающей все операции, или следует отдавать предпочтение частичным моделям, рассматривающим отдельные случаи?

2. Как следует контролировать внутренние модели?

Разработка частичных моделей менее дорогостоящий и более надежный подход, чем построение «статистического или стохастического монумента». При этом важно, чтобы частичные модели опирались на единую базу данных и согласованные между собой гипотезы.

Ответ на второй вопрос находится в компетенции ACAM. От контроля над приемлемостью внутренних моделей, исполь-

---

* Главной целью соглашения «Базель II» является повышение качества управления рисками в банковском деле, что, в свою очередь, должно укрепить стабильность финансовой системы в целом.

зуемых страховыми компаниями, будет зависеть безопасность застрахованных и равные условия их обслуживания в разных страховых компаниях [5].

Более трети (36%) всех страховых компаний Европы выразили сомнение в способности страховой индустрии соответствовать новым требованиям Solvency II, которые вступают в силу в ЕС в 2014 г. Такие результаты демонстрирует совместное исследование Deloitte и Economist Intelligence Unit [6]. Более трети управляющих советов страховых компаний не имеют полного представления о новых правилах регулирования, и значительно больше половины из них (61%) не одобрили свои бюджеты под нужды Solvency II. Согласно исследованию, с вводом в действие новых правил более трети страховщиков придется реорганизоваться, а 11% выразили намерение перебазироваться.

Таким образом, ключевой проблемой европейского страхового бизнеса «становятся сфера управления данными, соблюдение качества данных, их инфраструктура. Однако на вопрос о том, что именно, по их мнению, прежде всего понадобится для успешного внедрения Solvency II, только 14% респондентов назвали новые технологии, а рейтинг популярности с 46% возглавили актуарные навыки специалистов.

Среди других проблем – пересмотр моделей и рисковых стратегий. Это те сферы, где страховщики более всего ждут четких руководств от Евросоюза и британской FSA в частности» [6].

По мнению экспертов Deloitte, отношение к программному обеспечению для перехода на Solvency II и IFRS Phase II сильно различается между страховщиками, занимающимися страхованием жизни, и теми, кто этим не занимается: 63% компаний, не страхующих жизни, высказались против интегрированных программ, тогда как среди страховщиков жизни таковых 41%. Между этими двумя категориями страховщиков имеются различия и в отношении к бюджетным расходам: 29% страховщиков жизни выделили на переход от 5 до 10 млн британских фунтов, тогда как среди прочих страховых компаний выделяют столь значимые суммы только 6% [6].

Даже упомянутые выше информационно-аналитические системы пока не в силах дать ответ, каким образом следует управлять операционными рисками при взаимодействии со страховыми посредниками, которые, будучи важной составляющей развития страхового бизнеса, являются источником операционных рисков.

В российской практике мелкие и средние страховщики, сильно зависящие от страховых агентов и брокеров, предпочитают игнорировать данные риски, не придавая им большого значения, поскольку ужесточение контроля за посредниками чревато для них потерями бизнеса. Крупные страховщики предпочитают больше действовать «по факту», т. е. не принимая превентивных мер, начинают применять какие-либо санкции только в случае реализации рисков.

Общий фундамент для измерения операционного риска невозможен без создания мощной информационной базы, поскольку в отличие от рыночного и кредитного рисков большинство факторов операционного риска относится к внутренней операционной среде, и выявить четкие математико-статистические связи между отдельными факторами риска, вероятностью и размером операционных потерь очень трудно.

Литература

1. *Пикалов А.* Анализ финансовой устойчивости и его особенности в страховой компании // Вестник института экономики РАН. 2009. № 3. С. 336-346.
2. *Насырова Г.А.* Страхование. М.: БЕК, 2002.
3. *Котлобовский И.Б., Сметанин А.Е.* Рисковый подход к оценке платежеспособности страховой компании // Финансы. 2007. № 6. С. 39-43.
4. *Вяткин В.Н., Гамза В.А.* Базельский процесс. «Базель II» – управление банковскими рисками. М.: Экономика, 2007.
5. *Дади Х.* Уроки «Базеля II» для solvency II // Revue Banque. Paris, 2007. № 694. URL: http://www.finanal.ru/node/8707
6. URL: http://gaap.ru/news/52093/

ПРЕСС-СЛУЖБА И PR-КОМПАНИЯ: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СТРУКТУРАМИ

Виктория ЕВЛИКОВА

аспирантка кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ

Чуть более десяти лет назад российские государственные ведомства и министерства начали активно привлекать внешние организации – PR-агентства и рекламные агентства. Государство обращается к этим организациям для создания информационной стратегии и проведения информационно-разъяснительной работы с населением, включая подготовку методических рекомендаций для государственных служащих. Привлекаемые организации позволяют государству выполнять свои функции – политическую и социальную, в основе которых гармонизация интересов различных социальных групп. При этом существенную роль в процессе государственного управления играют внутренние подразделения государственных структур – пресс-службы, которые также способствуют выстраиванию эффективной коммуникации с обществом.

Не дублируют ли PR-компании, работающие по государственному заказу, деятельность пресс-служб? Изменилась ли роль пресс-служб в связи с обращением государства к внешним организациям? Как взаимодействуют между собой PR-компании и пресс-службы? Ведь только четкое распределение задач среди исполнителей, понимание преимуществ и возможностей каждого будет способствовать более высокому уровню организации деятельности государственного управления.

Попытаемся обосновать необходимость привлечения внешних компаний к проведению информационной работы с населением и проанализировать существующие в российской практике системы взаимодействия государственного заказчика, пресс-службы и PR-компании.

Американские ученые Скотт М. Катлип, Аллен Х. Сентер, Глен М. Брум выделяют три глобальные цели правительственной PR-программы: информирование избирателей о деятельности правительственного органа; получение одобрения населения о реализуемых правительственных программах; обеспечение общественной поддержки избранным стратегиям и принятым программам.

В работе Кита Хэмпсона «Правительство Великобритании. Координация связей с общественностью» делается следующий вывод: пресс-служба призвана информировать население не с целью предоставления формального отчета о деятельности государства, а с целью установления связи с людьми. Данная задача, по мнению бри-